

— Хорошо.

Жун И ответил без колебаний, а Цюй Хайяо снова застыл в ошеломленном состоянии — неужели они действительно собираются закончить этот дубль?!

Пока его внутренний голос кричал от ужаса, разум напомнил Цюй Хайяо слова, которые Линь Ци сказал ему накануне: «Если ты делаешь хорошо, то и требования к тебе будут выше.»

В итоге этот дубль затянулся до вечера. Хотя Вэнь Цзисюнь сказал, что игра Цюй Хайяо была неплохой, до его требований все еще было далеко. Под руководством Вэнь Цзисюня Жун И замедлил темп и провел Цюй Хайяо через сцену, а затем отдельно проработал с ним несколько движений. Это было настоящим руководством и заботой, и благодаря этому Цюй Хайяо успешно завершил свой первый дубль в кино.

После окончания съемок Цюй Хайяо специально подошел к Жун И, чтобы поблагодарить его. В тот момент Жун И снимал грим, и оба почувствовали, что ситуация напоминает ту, что была после съемок «MENU», когда Цюй Хайяо также подошел с благодарностью. Грим на Жун И был очень плотным, и его снятие требовало времени, поэтому он не мог свободно двигаться и просто не смотрел на Цюй Хайяо.

— Ты ведь на самом деле не хочешь меня благодарить.

Жун И говорил, глядя в зеркало, но Цюй Хайяо понимал, что эти слова были адресованы ему.

Он был ошеломлен этим заявлением.

— Ну... нет...

Цюй Хайяо с трудом покачал головой, но на самом деле он действительно не хотел благодарить. Это не имело ничего общего с его благодарностью, просто ему было крайне трудно привыкнуть к общению с Жун И. Иногда Цюй Хайяо даже думал, что он слишком мнителен, ведь все эти неприятные события на самом деле не имели прямого отношения к самому Жун И.

Но есть поговорка: «Нет вечной любви или ненависти, есть только вечный дискомфорт.» Каждый раз, когда Цюй Хайяо видел Жун И, в его голове, как в калейдоскопе, начинали крутиться все те неприятные воспоминания, которые вызывали у него страх перед неловкостью, и он не мог от них избавиться.

— Но сейчас ты должен меня поблагодарить, знаешь почему?

Цюй Хайяо замер. Он покачал головой, не понимая, что замыслил Жун И.

— Потому что ты пока еще слишком слаб.

Сказав это, Жун И впервые повернулся к Цюй Хайяо и посмотрел на него, наблюдая, как выражение его лица меняется от ошеломления к серьезности.

— Ты уступаешь мне, и тебе приходится работать со мной, поэтому ты только тянешь меня назад.

Жун И говорил спокойно, но его слова были резкими.

— У тебя нет выбора, ты можешь полагаться только на мою помощь. Когда-нибудь, когда ты

станешь достаточно хорош и перестанешь тянуть меня назад, тебе не придется приходить ко мне с благодарностью, ведь ты и так не хочешь этого делать.

Жун И сделал паузу, снова посмотрел на него.

— Может быть, тогда ты даже станешь Великим киноимператором с восемью наградами.

Цюй Хайяо отчетливо почувствовал, что «Великий киноимператор с восемью наградами» стал для Жун И шуткой над ним. Его лицо то краснело, то бледнело, а выражение было крайне выразительным. Разум и эмоции снова начали бороться в его голове. Разумом он прекрасно понимал, что Жун И говорит правду, но эмоционально он никак не мог смириться с этой язвительной манерой речи.

Теперь он понимал, почему, несмотря на то, что Жун И был таким профессиональным и старательным на съемочной площадке, в индустрии и СМИ его часто называли трудным человеком. Безупречное мастерство Жун И контрастировало с его непростыми отношениями с медиа. За исключением журналов, он почти никогда не давал интервью, и единственной возможностью для СМИ пообщаться с ним были периоды промоушена его фильмов или награждения.

Жун И не был похож на других артистов, которые умели или любили поддерживать хорошие отношения с медиа. Когда он считал, что на вопрос нет смысла отвечать, он прямо говорил, что ответа не будет. Даже во время промоушена одного из его фильмов, когда журналист прямо спросил его о слухах о романе с актрисой, сыгравшей главную женскую роль, он холодно улыбнулся и сказал: «Я считаю этот вопрос глупым и скучным.»

На самом деле, эти слухи были раздуты самой актрисой, и все это было очевидно. Жун И не собирался потакать медиа или коллегам, которые пытались использовать его для пиара, и продолжил: «В будущем вы можете не задавать мне вопросы о моей личной жизни, в них нет смысла. Когда я буду готов что-то рассказать, я сделаю это открыто; если я не считаю нужным говорить об этом...»

Он слегка опустил веки, поднял подбородок и с выражением презрения усмехнулся: «Вы думаете, что сможете что-то вытянуть из меня?»

Когда Цюй Хайяо впервые увидел это интервью, он подумал, что этот человек действительно дерзкий... А теперь, когда он сам испытал на себе эту дерзость, он понял, что его выражение лица, вероятно, было таким же, как у актрисы, сидевшей рядом с Жун И в том интервью.

— Как будто он проглотил два килограмма дерьма.

Позже Жун И наконец снял грим и, покидая съемочную площадку, сел в машину. Его ассистент Сяо Нянь спросил его:

— Босс, ты не думаешь, что сегодня ты немного перегнул палку?

Сяо Нянь работал с Жун И уже более трех лет, и их отношения всегда были хорошими. Тем не менее, иногда он все же боялся говорить лишнее. Жун И, конечно, не стал бы его наказывать, но когда он хмурился, атмосфера вокруг него становилась настолько напряженной, что температура в радиусе ста метров падала на десять градусов. Обычные люди старались не трогать его. К тому же, Жун И всегда был человеком с четкими взглядами, и многие его решения Сяо Нянь не сразу понимал, но они всегда имели свои причины.

Но сегодня он все же решил высказаться. Он был ненамного старше Цюй Хайяо, и у него самого был опыт, когда Жун И говорил с ним таким же спокойным, но жестким тоном. Он подумал и решил, что, если возможно, лучше не позволять другим молодым людям испытать на себе такую силу Жун И.

Жун И, который в этот момент использовал паровую маску для глаз, слегка усмехнулся:

— Ты еще думаешь, что я не должен был скрывать, что это я предложил его на кинопробы?

Сяо Нянь замешкался, неуверенно сказав:

— Я вижу, что он... действительно чувствует себя неловко рядом с вами. Если бы он знал, возможно, ему было бы не так неловко.

— Если бы он знал, ему было бы еще неловче.

Жун И ответил прямо.

— Он и так уже в центре внимания, и если он или кто-то еще узнает об этом, мне все равно, но ему будет только сложнее. Особенно на съемочной площадке, как бы другие его восприняли? Как моего «протеже»? Ха.

Жун И усмехнулся.

— Как мы вообще связаны? Ты работаешь со мной уже долгое время, хотя мы никогда специально не обсуждали это, ты, наверное, догадываешься.

Сяо Нянь замолчал. Жун И говорил не только о текущей ситуации с Цюй Хайяо, но и о том, что происходило много лет назад, когда Жун И еще не был актером. Эти события в его команде никогда не обсуждались, и никто не знал, через что прошли Жун И и его агент Ло Янь, чтобы добраться до того, где они сейчас.

Сяо Нянь работал с Жун И уже более трех лет и был единственным долгосрочным ассистентом, оставшимся рядом с ним. Он хорошо ладил как с Жун И, так и с Ло Янем, и за эти годы многое понял. Теперь, думая о том, почему Жун И так помогает Цюй Хайяо, Сяо Нянь понял его добрые намерения.

— К тому же, правда всегда горька.

Жун И лениво откинулся на сиденье.

— Я сказал ему все это не для того, чтобы он чувствовал себя неловко или нет, это бессмысленно. Если он считает, что я был слишком резок, это даже лучше. Лучше пусть он приложит все усилия, чтобы поскорее окрепнуть, и мне не придется так заботиться о нем.

В голосе Жун И звучала полная беззаботность, и для него это действительно было так. Цюй Хайяо уважал его или ненавидел — ему было все равно. Он помогал ему только для того, чтобы доставить неприятности Лю Цзяжэню.

Возможно, была еще одна причина: в Цюй Хайяо он увидел немного той же настойчивости и упрямства, что были у него самого в молодости, но при этом упрямство этого парня было не таким жестоким, как его собственное, а скорее наивным и глуповатым.

<http://bllate.org/book/16304/1470772>